

Социально-гуманитарный дискурс

УДК 908:37.018.523 “18” (470.75)

Громова Наталья Фёдоровна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России,
Таврическая академия,

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;
Российская Федерация, Симферополь, e-mail: gronafed@yandex.ru

СЕЛЬСКИЕ ШКОЛЫ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье представлена характеристика периода формирования в Таврической губернии сельских школ, рассмотрены особенности и отличительные черты процесса создания первых учебных заведений в селах Крыма и Северной Таврии. На основе архивных материалов и посредством аналитико-синтетического (выявление, систематизация и обобщение фактов), сравнительно-исторического и статистического методов показан начальный этап истории сельских школ Таврической губернии в дореформенный период (до 1864 г.). В данном исследовании освещена роль Министерства государственных имуществ Российской империи в создании первых сельских школ в Крыму и Северной Таврии, рассмотрена специфика школ для разных групп сельского населения, проанализированы особенности организации в них учебной и воспитательной работы. В статье нашли отражение статистические данные о динамике развития сельских школ, их количестве, численности учащихся и учителей.

Ключевые слова: сельские школы, государственные крестьяне, Министерство государственных имуществ, учебный и воспитательный процесс.

Natalya F. Gromova

PhD in Historical sciences,
Associate Professor of the Department of Russian History,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University;
Russian Federation, Simferopol

RURAL SCHOOLS OF THE TAURIDA GOVERNORATE IN THE PRE-REFORM PERIOD

Abstract. *The purpose of the work is to characterize the initial stage of the history of rural schools in the Taurida province (governorate) in the pre-reform period, to consider the issues of creating the first educational institutions in the villages of the Crimea and Northern Tauria, the features and distinctive features of this process. The methodology of work includes the application of methods used in scientific research: analytical-synthetic, comparative-historical, statistical. The article shows the initial stage of the history of rural schools in the Taurida province in the pre-reform period on the basis of archival materials. The role of the Ministry of State Property of the Russian Empire in the creation of the first rural schools in the Crimea and Northern Tauria is highlighted, specificities of schools for different groups of the rural population are examined, the features of the organization of educational work in rural schools and their pedagogical level are analyzed. The article reflects statistical data on the dynamics of the development of rural schools, their number, the number of students and teachers.*

Key words: *rural schools, peasants, Ministry of State Property, educational process, Taurida, Crimea.*

Для цитирования:

Громова, Н. Ф. Сельские школы Таврической губернии в дореформенный период // Гуманитарная парадигма. 2018. № 3 (6). С. 48–62.

С конца XVIII века по инициативе Екатерины II в России началось и в XIX столетии при Александре I, Николае I, Александре II было продолжено создание государственной системы народного образования. Координирующим и направляющим центром этого процесса с 1802 года стало Министерство народного просвещения, которое на местах представляли губернские Дирекции училищ. Вся территория страны была разделена на учебные округа по числу университетов, выполнявших роль научно-методических центров [9, с. 385]. Утвержденные в 1804 и 1828 годах учебные Уставы регламентировали порядок организации учебной, воспитательной, административной работы государственных учебных заведений, представлявших три уровня образования: начальное (приходские училища и уездные училища), среднее (губернские гимназии), высшее (университеты).

Во всех губерниях Российской империи развернулась созидательная работа, но продвигалась она не так быстро, как хотелось. К 1808 году без гимназий оставались 13 губернских городов, без уездных училищ — 325 центров уездов [7, с. 7]. Причины низких темпов этого процесса в каждом регионе определялись местными обстоятельствами. Но была и общая для всех губерний причина — недостаточное государственное финансирование школьного строительства. На государственном обеспечении находились лишь университеты, гимназии и уездные училища, а приходские училища, задуманные как массовая школа, были оставлены без государственных средств и полностью зависели от благотворительности и отчислений из местных бюджетов [4, с. 9].

Была и другая негативная сторона формирующейся системы образования. Открывавшиеся в первой половине XIX века подведомственные Министерству просвещения государственные учебные заведения ориентировались на городское население, были привязаны к городам: гимназии — к столицам губерний, уездные училища — к центрам уездов, приходские училища — к заштатным городам и поселениям городского типа. Основная же масса населения многомиллионной Российской империи, проживавшая в сельской местности, оставалась вне сферы деятельности Министерства просвещения. Тем не менее к середине 60-х годов XIX века, то есть к началу государственных реформ в области образования, в России уже существовало около трёх тысяч сельских школ со 150 тысячами учащихся [9, с. 389]. Кто и с какой целью создавал эти школы; какую задачу ставили и насколько успешно они её выполняли; кто в них учился и какие знания получал; кто и какими методами обучал детей; в каких условиях осуществлялась организация работы сельских школ в дореформенный период? Ответы на эти и другие вопросы можно получить, обратившись к истории становления народного образования в Таврической губернии. Здесь, как и в других регионах Российской империи, в первой половине XIX века происходили процессы, связанные с созданием государственной системы образования, в том числе и для сельского населения. Эти процессы нашли свое отражение в различных исторических источниках, главным из которых являются архивные. В государственном архиве Республики Крым в фонде Дирекции училищ Таврической губернии хранятся документы, содержащие разнообразные статистические и фактические материалы об этапах зарождения и развития школ в сёлах Крыма и Северной Таврии. Эти документы дают возможность конкретнее уяснить процесс распространения образования среди сельского населения региона, помогают детальнее охарактеризовать начальный этап истории сельских школ в Таврической губернии, выявить его особенности и отличительные черты.

Привлечение к созданию сельских школ Министерства государственных имуществ

Наметившиеся в первые десятилетия XIX века положительные сдвиги в экономике и культуре, сопровождавшиеся подъёмом национального самосознания, не могли обойти стороной сельское население. Прогрессивная часть российского общества ждала от государства начала действенных мер по решению сельских проблем, в том числе и образовательных, которые не в состоянии было решить на то время Министерство народного просвещения. Государство нашло выход из этой непростой ситуации, разрешив создавать сельские школы любым министерствам, имеющим свои ведомственные интересы в сёлах. В первую очередь, это касалось Министерства внутренних дел, Министерства государственных имуществ, Министерства двора и уделов, деятельность которых была тесно связана с сельским населением российских губерний. В число таковых оказалась и Таврическая губерния, пять из восьми уездов которой (Симферопольский, Евпаторийский, Перекопский, Феодосийский, Ялтинский) располагались на территории Крымского полуострова, а три — на материке, в Северной Таврии (Мелитопольский, Днепровский, Бердянский). Организованное заселение губернии началось после присоединения Крыма к России в 1783 году и к 1858 году на её территории обосновалось 167,6 тыс. переселенцев [2, с. 49]. Решающую роль в этом процессе сыграли крестьяне. В 1787 году указ российского правительства позволил различным группам крестьян, которым не хватало земли на месте их проживания, переселяться на юг, в частности, в Таврическую область (с 1802 года — губерния) [5, с. 122–126]. Этим указом воспользовались, в первую очередь, государственные крестьяне, которых правительство переводило на юг из центральных губерний страны. В 1802 году в Крыму была создана специальная комиссия, которая вынесла решение считать «пустопорожними» все земли, оставленные своими владельцами после присоединения полуострова к России. Местному начальству разрешалось раздавать такие земли под поселения [8, с. 28]. В меньшей мере это были частновладельческие крестьяне, переселявшиеся на новые земли по воле помещика или самовольно. К 1857 году число крепостных крестьян, переселившихся в губернию, достигло 20 601 человека [6, с. 116–117].

Сравнительно небольшую группу переселенцев составили отставные солдаты [11, с. 26]. По приказу правительства их «выписывали» из полков и отправляли в отведённые для них места [12, с. 78]. В Крыму отставные солдаты основали 11 деревень, в том числе Мазанку, Курцы, Мангуш, Зую, Верхние Саблы, Владимировку и др. [14, с. 226].

Определённый вклад в этот процесс внесла и иностранная колонизация края. С 1800 по 1850 годы в губернии было основано 89 колоний, основную массу которых составляли немецкие поселения [1, с. 251]. В итоге к 60-м годам XIX века при общей численности населения губернии в 573 тыс. человек, большую его часть составляли восточнославянские народы (под общим названием «русские») — 370,5 тысяч. Татар насчитывалось 100 тысяч, немцев — 45,7 тыс., болгар — 21,4 тыс., евреев — 14,3 тыс., греков — 13,3 тыс., армян — 6,3 тыс., эстонцев — 0,8 тыс., чехов — 0,6 тыс. человек [13, с. 52–53]. При этом в материковых уездах губернии восточнославянское население превышало 4/5 всего населения, а в Крыму русские составляли 1/4 жителей полуострова [1, с. 255].

Преобладание крестьян среди переселявшихся существенно повлияло на их расселение: основная масса осела в сельской местности, основав новые поселения на ранее целинных землях или заселив оставленные эмигрировавшими в Турцию крымскими татарами и ногайцами деревни и аулы.

Большая часть поселений была основана на казённых землях и находилась в ведении Министерства госимуществ. Поэтому именно это министерство взялось за создание в крае сельских школ для государственных крестьян. Две первые школы появились в 1833 и 1836 годах в казённых сёлах Черниговка и Большой Токмак Бердянского уезда. К началу 40-х гг. таких школ в материковых уездах было уже шесть, и работали они на основании положений учебного Устава 1828 года о сельских приходских училищах [15, д. 851, л. 31–34].

23 ноября 1842 года императором Николаем I был подписан Указ на имя министра госимуществ графа П. Д. Киселева, в котором министерству предписывалось открывать волостные и сельские школы в тех местах, где основной массой населения были государственные крестьяне. Во исполнение этого указа при Министерстве госимуществ был создан особый учёный Комитет, куда пригласили специалистов в области педагогики и школьного образования. В качестве учёного эксперта по научно-педагогическим вопросам в Комитете служил известный российский писатель и педагог В. Ф. Одоевский. В обязанности Комитета входило составление учебных пособий для сельских школ, издание руководств и методических указаний для сельских учителей.

В Таврической губернии работу по созданию сельских школ поручили Таврической Палате госимуществ и её волостным и сельским управлениям. Их усилия медленно, но приносили результаты. В 1842 году в губернии уже работали 9 сельских школ, в 1843 — 16, в 1844 — 22, 1845 — 26, а в 1846 и 1847 годах — 30. Большинство школ было открыто в сёлах материковых уездов:

например, в 1847 году в Мелитопольском уезде насчитывалось 14 сельских школ, в Бердянском — 6, Днепровском — 4 [15, д. 694, л. 50–56, 70–74].

Взявшись за несвойственное для своего ведомства дело, местные чиновники руководствовались не только действующим учебным Уставом 1828 года для школ Министерства просвещения, но и «Наставлениями для управления школами в селениях государственных крестьян», которые были разработаны им в помощь Учёным комитетом Министерства госимуществ. В «Наставлениях» давались практические рекомендации, касающиеся всех аспектов деятельности сельских школ, начиная от особенностей их создания до специфики организации учебной и воспитательной работы.

Так, для сельских школ министерство не строило специальных помещений, чаще всего размещавшихся в сельских общественных домах или при сельских церквях. На своё содержание школы получали от палаты госимущества ежегодно по 166 руб., отчисляемых из сборов с государственных крестьян.

Учителей в сельские школы (здесь их называли наставниками) подыскивала, назначала и оплачивала их труд также Палата госимуществ. На эту должность, как правило, попадали местные священники и другие церковнослужители, учителя, не нашедшие работу в школах Министерства просвещения, а также люди, недоучившиеся в учительских семинариях.

Организация работы сельских школ

Приём детей в сельские школы осуществлялся один раз в год, в то время как в городских приходских училищах два или даже три раза в год. Возраст поступающих на обучение не должен был быть меньше 8 лет. До 1846 года в сельские школы принимали только мальчиков, а с 1845 — и девочек, для которых отдельных школ или классов не существовало, потому обучение было совместным. Обучение детей было бесплатным, что выгодно отличало сельские школы от платных городских приходских и уездных училищ.

Крестьян не принуждали к посещению их детьми школ, это зависело от желания родителей. В зачислении в школу согласно Уставу 1828 года отказывали лишь детям с заразными заболеваниями, без прививок от оспы или без следов этой болезни на лице и теле, а также «полоумным». Если в селе не было школы, родители могли определить ребенка в школу, находившуюся в другом селе. В таком случае сельский староста помогал разместить его у родственников или знакомых.

Полный курс обучения в сельских школах Министерства госимуществ ограничивался тремя годами. Продолжительность учебного года чётко не устанавливалась и зависела от специфики крестьянского быта: занятия

начинались после окончания полевых работ и завершались весной с их наступлением. Дети посещали школу ежедневно, кроме воскресенья и праздничных дней. Занятия начинались утром и продолжались, обычно, 6 часов с перерывами по усмотрению учителя.

Все ученики школы размещались в одном классе, независимо от года их поступления в школу. По уставным документам число детей в классе не должно было превышать 50-ти учеников, но при этом не учитывалась тот факт, что в большинстве школ занятия проводил один учитель, лишь в некоторых волостных школах у него был помощник.

Министерство просвещения, фактически устранившись от создания сельских школ, их материального обустройства и содержания, в то же время не желало отказываться от контроля учебного процесса. Не раз Таврическая дирекция училищ запрашивала об этом Одесский учебный округ. В одном из полученных ответов попечитель округа разъяснял, что на основании договоренности с Министром госимуществ школы в казённых селениях должны подчиняться штатным смотрителям ближайших уездных училищ, за которыми с этой целью закреплялись сельские округа. Однако реальной учебно-методической помощи от уездных училищ сельские школы в это время не получали, дело ограничивалось в основном сбором информации о числе сельских школ и количестве в них учителей и учеников. Поэтому учебно-методическая работа в сельских школах, лишённая поддержки профессионалов, была далека от совершенства.

За 3 года полного курса обучения ученики школ должны были одолеть Закон Божий, освоить 4 действия арифметики, научиться читать, писать и считать на счётах. Учебниками сельские школы обеспечены не были, для чтения использовались самые разнообразные книги, рукописные и печатные материалы. Отсутствовали и какие-либо методические пособия для учителей. Каждый учитель вёл обучение детей на собственное усмотрение. Правда, в середине 50-х годов Министерство госимуществ через управляющего Таврической Палатой распространяло в сельских школах брошюру с изложением метода Золотова для обучения чтению и письму. В ряде журналов, издававшихся министерством, учителям предлагались к использованию в сельских школах простейшие способы обучения началам арифметики [15, д. 851, л. 31–34, 41–44]. Не была выработана и система оценивания успехов учеников — с этой целью учителями использовались словесные характеристики. По окончании полного курса обучения в школах проводился экзамен в присутствии окружного, волостного и сельского начальства, родителей и родственников. По его результатам детям выдавали справки об окончании обучения. Лучшие ученики в конце учебного года награждались книжками, главным образом религиозного содержания.

Не оставался без внимания и воспитательный аспект школьного образования. И хотя «Правила для учащихся», действовавшие в городских учебных заведениях, не распространялись на сельские школы, однако были взяты за образец в тех их пунктах, что касались отслеживания поступков учеников, их поведения, а особенно соблюдения религиозно-нравственных норм. Каждый учебный день начинался и заканчивался обязательной молитвой, которую читал один из учеников. В особой тетради учитель ежедневно отмечал поведение каждого. Учителям рекомендовались несколько ступеней воспитательной работы с ленивыми, нерадивыми и непослушными, начиная с увещаний и выговоров и заканчивая наказаниями в виде стояния на коленях у доски или оставления в классе после занятий. Допускались и телесные наказания, но только с разрешения родителей. Если все меры воздействия оказывались безуспешными, ребёнка могли исключить из школы.

Чтобы заинтересовать крестьян школьным образованием и привлечь их детей в школы, Министерство госимуществ обещало создавать в каждой школе дополнительное обучение каким-либо полезным в селе специальностям и ремеслам: садоводству, земледелию, животноводству, пчеловодству, строительству и пр. Крестьяне верили этим обещаниям, что и способствовало росту количества школ в 40-е годы. Однако Министерство госимуществ не спешило с выполнением этих обещаний, так как его главной целью при создании сельских школ была подготовка писарей для работы в волостных и сельских конторах, ведомствах. Поэтому мальчиков, окончивших полный курс обучения и достигших 16-летнего возраста, определяли в должности писарей, освободив от рекрутства [15, д. 851, л. 40].

Министерство госимуществ учло специфику многонационального Крыма, где его чиновникам приходилось постоянно сталкиваться с необходимостью знать, хотя бы в минимальном объёме, крымскотатарский язык. Поэтому в 1842 году Министерство открыло школы для подготовки писарей из крымских татар в четырёх крымских сёлах: Саки (Евпаторийский уезд), Сарабуз (Симферопольский уезд), Ишунь (Перекопский уезд) и Таракташ (Феодосийский уезд) [3, с. 346]. Эти школы, в сравнении со школами для русских крестьян, имели особенности: наставниками в них назначались только светские лица, занятия по мусульманскому вероучению проводили местные муллы, за что им платили сами родители, мальчиков учили арифметике, чтению и письму не только по-русски, но и по-татарски, уделяя особое внимание умению переводить с одного языка на другой. Таврическая Палата госимуществ расходовала на содержание каждой такой школы по 170 руб. в год, и ещё 70 руб. выделяла на каждого воспитанника [15, д. 851, л. 31–34]. Опыт подготовки писарей из крымских татар побудил власти

передать в 1844 году в ведение Министерства госимуществ также Ногайское приходское училище (Бердянский уезд) для мальчиков-ногайцев, созданное ещё в 1826 году в структуре Министерства просвещения. Училище было преобразовано в сельскую школу для подготовки волостных писарей из учеников-ногайцев [15, д. 739, л. 37–38; д. 752, л. 15].

Кроме школ для русских крестьян и крымских татар в ведении Таврической Палаты госимуществ находилась и школа для молокан, сосланных правительством на юг России [10, с. 6]. Они проживали в трёх селах: Астраханка, Новоспасское, Ново-Васильевка. Школа была открыта в селе Ново-Васильевке на тех же основаниях, что и сельские школы для русских государственных крестьян, но с некоторыми изменениями: как и в крымскотатарских школах, сюда назначались наставники только из светских лиц, Закон Божий предполагал изучение лишь Священной Истории, при исключении Катехизиса и Псалтыря. Не все книги, использовавшиеся в православных сельских школах, допускались к чтению в молоканской. Молокане охотно отдавали детей в школу, заботились о ней и неоднократно просили начальство о её расширении, чтобы в ней могло обучаться до 200 детей [15, д. 851, л. 41–44].

Недостатки в работе сельских школ

Но не везде было всё так хорошо, как у молокан. Уже с начала 50-х годов состояние обучения в сельских школах стало тревожить местные власти, так как отчётливо проявились недостатки в их работе, мешающие дальнейшему развитию. В архивных материалах содержатся отчёты управляющих Таврической Палатой госимуществ с описанием положения сельских школ и анализом причин низкого уровня работы некоторых из них. Так, наиболее частую критику вызывал контингент сельских учителей, слабый уровень их подготовки, невнимание к своим обязанностям и неспособность многих быть преподавателями. Лишь в некоторых школах наставники (особенно из священников) знали своё дело, с любовью относились к детям и пользовались расположением крестьян. В таких школах были видны и успехи учеников.

Остро ощущался недостаток учебной литературы для сельских школ. Часто на занятиях использовались совершенно непонятные для детей книги, далекие от крестьянского быта. Обучение чтению в большинстве школ сводилось главным способом к заучиванию наизусть текстов значительных объёмов. Так, в одном из отчётов отмечалось, что «...дети умеют прочитать несколько страниц Священной Истории, не зная даже букв и не умея разобрать ни одного сложного слова на той странице, которую они не выучили. Потерянное время при подобном обучении незаменимо, а само

обучение безжизненно, чисто механическое, отвращает детей от занятий» [15, д. 851, л. 32].

С середины 50-х годов жизнь учеников значительно осложнило включение в программу сельских школ церковнославянского языка. Методически неправильным было его одновременное изучение с русским языком. «Надо переходить постепенно от одного языка к другому, от начального усвоения механизма составления слов и их написания к письму под диктовку и переписыванию прописей, от пересказов текста и умения передавать мысль, к чтению печатных книг. Чтение книг, особенно духовных, — высший предмет крестьянского образования» [15, д. 851, л. 33], — отмечал один из проверяющих работу сельских школ в Мелитопольском уезде.

К негативным результатам приводило и отсутствие в сельских школах классно-урочной системы. В одной комнате занимались и ещё неграмотные дети, и уже научившиеся читать и писать. Поэтому «нахождение большей части учеников в классе заключалось в бессмысленном созерцании лежащей перед ними непонятной книги и в обязанности в скуке слушать, что непонятно для них объясняется другим ученикам» [15, д. 851, л. 34]. С сожалением инспектирующие отмечали отсутствие в сельских школах репетиторства, индивидуальных занятий, взаимного обучения. В результате, в целом ряде школ ученики не знали своего храмового сельского праздника, названия своей губернии, уезда, округа, даже, иногда, имени императора.

Даже обычная для городских школ система награждения лучших учеников в сельской школе требовало корректировки. Вместо книг более ценными и значимыми, по мнению крестьян, считались подарки в виде одежды, хозяйственных инструментов и прочих практичных вещей, а для девочек — домашней птицей.

Не сбылись и дававшиеся крестьянам при создании школ обещания обучать их кроме грамоты ещё и какому-либо мастерству, необходимому в крестьянской жизни и в перспективе облегчавшему «будущность сирот и тех, кто не склонен к занятию хозяйством» [15, д. 851, л. 31]. Тем более что нужда в мастеровых, особенно в строителях, в таврических селах в первой половине XIX века была остро ощутима, когда часто приходилось нанимать строителей из пришлых людей. Лишь в двух школах для крестьян были организованы дополнительные занятия, связанные с сельским хозяйством. В Мелитопольском уезде меннонит Корнис из соседней немецкой колонии обучил особенностям ведения хозяйства колонистским способом 15 учеников. Шестеро из их числа, обзаведясь семьями, были поселены отдельным выселком близ села Терпенье. А в Бердянском уезде при одной из сельских

школ была организована образцовая плантация, на которой 29 учеников обучились передовым методам садоводства и лесоводства [15, д. 851, с. 49].

В 50-е годы XIX века произошло закрытие ряда сельских школ. Если в 1849 году в губернии их насчитывалось 29, то в 1850 году — 25, 1853 — 24, 1855 — 22. Одними из первых прекратили работу школы для крымских татар. По мнению чиновников из департамента госимуществ, эти школы пользы приносили мало, так как до конца обучения доходило незначительное число учащихся, а расходы на них были весьма значительны. Поэтому власти стали искать любые поводы к закрытию этих школ. Ещё в 1848 году была закрыта школа в селе Ишунь Перекопского уезда под предлогом произошедших в ней беспорядков. Наставник Дронь был уволен с должности как неблагонадежный, а ученики переведены в Сакскую и Сарабузскую школы [15, д. 708, л. 15]. В 1851 году закрылась школа в селе Саки, а в селе Таракташ школа была передана в ведение Министерства просвещения. Продолжала работу лишь школа в Сарабузе, но Палата госимуществ сократила расходы на одного её воспитанника с 70 до 57 руб. в год. Подобная участь постигла и школу для ногайских мальчиков. Просуществовав 25 лет, она была закрыта в 1851 году по предложению полицмейстера Ногайска, возмущённого тем, что родители забирали домой в аулы большинство детей на время полевых работ. Вещи школы частично были распроданы, а частично (часы, шкаф, 12 стульев) переданы в Ореховское уездное училище. Небольшая библиотека школы поступила в пользу Мелитопольского приходского училища [15, д. 752, л. 2].

Закрытие школ в сёлах русских государственных крестьян можно объяснить и материально-финансовыми трудностями, которые переживало российское государство в годы Крымской войны и после её окончания, а также снижением эффективности работы самих школ из-за мизерного числа их выпускников. Одна из главных причин нежелания крестьян заканчивать полный курс обучения в школах заключалась в положении о зачислении мальчиков-выпускников в должности писарей сельских и волостных контор ведомства Министерства госимуществ. Эта должность, из-за её нищенской материальной обеспеченности и низкого положения в обществе, считалась слишком незавидной даже для сирот. Поэтому многие родители или уклонялись от определения детей в школы, или забирали их под разными предлогами до окончания курса обучения. Да и сами дети предпочитали быть исключёнными из школ за плохую учёбу и поведение, чем попасть в писари. В связи с этим за всё время существования в ведении Министерства госимуществ сельских школ в Таврической губернии в писари было зачислено лишь 150 мальчиков из 3 354 закончивших полный курс обучения. С середины 50-х годов на должность писарей стали зачислять лишь добровольцев, и положение в школах начало исправляться.

Положение сельских школ Министерства госимуществ к середине XIX века

Министерства госимуществ, постепенно укоренялась в нём и расширялась. Наглядное представление о количестве сельских школ в Таврической губернии в 1839–1857 годы, о численности обучавшихся в них и выпущенных после завершения полного курса [15, д. 851, л. 45–47] даёт приведённая ниже таблица 1.

Обращает на себя внимание тот факт, что при сокращении сельских школ существенно не уменьшалось количество поступавших в них детей, даже во время войны 1853–1856 годов. А уже с конца 50-х годов наметился процесс восстановления ранее закрытых школ и создание новых. Это говорит о том, что идея школьного образования, заложенная в крестьянское общество, благодаря, в том числе деятельности, несмотря ни на какие трудности и испытания.

Таблица 1 — Количество сельских школ Таврической губернии в 1839–1857 гг. с числом поступивших и закончивших в них обучение учащихся.

Год	Количество школ	Количество учащихся		Кол-во выпущенных	
		мальчики	девочки	мальчики	девочки
1839	2	98	-	44	-
1840	3	184	-	45	-
1841	6	219	-	47	-
1842	9	277	-	12	-
1843	16	443	-	17	-
1844	22	668	-	8	-
1845	26	947	11	126	-
1846	30	1054	19	166	-
1847	30	1091	39	181	-
1848	28	1284	57	189	-
1849	29	1498	110	248	20
1850	25	1445	155	302	31
1851	25	1492	203	251	52
1852	27	1468	177	199	48
1853	24	1596	199	345	36
1854	24	1373	174	262	45
1855	22	1380	241	266	73
1856	23	1403	230	308	50
1857	25	1610	281	338	59

В начале 60-х годов число школ в сёлах Таврической губернии достигло 45. В них обучалось более 3 тыс. учеников, главным образом детей крестьян. Среди посещавших сельские школы детей были и мальчики, и девочки. Правда, девочек было почти в 6 раз меньше, чем мальчиков — в среднем около 17%. Распределение сельских школ по уездам губернии, количество работавших в них учителей и обучавшихся детей [15, д. 1024, л. 54–79] выглядит следующим образом (Таблица 2).

Подавляющее количество школ (40 из 45) продолжало находиться в материковых уездах. Здесь насчитывалось больше всего учащихся, а на одну школу приходилось в среднем более 70 учеников. Особенно выделялся Мелитопольский уезд, где не только работало более половины всех сельских школ Таврической губернии, но и сами школы отличались количеством детей. Так, лишь в 5 школах из 23 число учащихся не достигало 50, в остальных же насчитывалось значительно больше, в том числе в пяти превышало сотню. Поэтому в Мелитопольском уезде работало и больше учителей, чем в других вместе взятых уездах.

Таблица 2 — Распределение сельских школ по уездам Таврической губернии и количество учителей и учащихся к началу 60-х гг. XIX века.

Уезды	Кол-во сельских школ	Кол-во учителей	Кол-во учащихся		
			Всего	мальчики	девочки
Симферопольский	3	3	90	51	39
Евпаторийский	1	1	20	18	2
Феодосийский	1	2	32	29	3
Мелитопольский	23	39	1811	1497	314
Бердянский	10	10	752	649	109
Днепровский	7	7	342	299	43
Всего:	45	62	3053	2543	510

В Крыму, где русские села были небольшими, насчитывалось лишь 5 сельских школ в ведении Министерства госимуществ. В среднем приходилось по 28 учащихся на каждую крымскую сельскую школу. Самой крупной была сельская школа в Зуе Симферопольского уезда, открытая ещё в 1845 году. Остальные крымские сельские школы (Мазанская и Мангушская Симферопольского уезда, Сакская Евпаторийского уезда и в деревне Салы Феодосийского уезда) появились уже в конце 50-х – начале 60-х годов.

Общей положительной тенденцией и для материковых уездов, и для Крыма являлось укрепление доверия к школам сельского населения, рост их популярности среди крестьян.

Таким образом, два с половиной десятилетия, предшествовавшие буржуазно-демократическим реформам 60-х годов XIX века, явились начальным этапом истории сельских школ России, в том числе Таврической губернии. В период своего формирования сельские школы, предназначенные в основном для государственных крестьян, переселявшихся на новые земли Юга России, создавало Министерство государственных имуществ. При этом оно преследовало главную цель — подготовить для нужд своего ведомства из среды крестьян специалистов низших квалификаций, в основном писарей. Но сельским школам суждено было сыграть более значимую роль. Несмотря на их ограниченное количество, всевозможные трудности существования, несовершенство учебно-методической и воспитательной работы, деятельность школ стала первым опытом распространения организованного на государственном уровне образования среди сельского населения. После образовательной реформы 1864 года сельские школы Министерства госимуществ ждали большие перемены: они были переданы в ведение Министерства просвещения и для них начался следующий этап истории.

Источники и литература

1. Бойко, Я. В. Заселение Южной Украины. 1860–1890 гг. Черкассы: Сіач, 1993. 256 с.
2. Брук, С. И., Кабузан, В. М. Миграция населения в России в XVIII – начале XX века (численность, структура, география) // История СССР. 1984. № 4. С. 46–48.
3. Громова, Н. Ф. Образование и наука в Крыму (конец XVIII – начало XXI вв.) // Крым от древности до наших дней / Под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь: ИД «ЧерноморПресс»; Феодосия: ИД «Коктебель», 2010. С. 345–370.
4. Громова, Н. Ф. Из истории создания в Крыму в первой половине XIX в. сети государственных начальных учебных заведений // Таврический научный обозреватель. 2015. № 3, Ч. II. С. 6–10.
5. Дружинина, Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М. : Изд.-во АН СССР, 1959. 277 с.
6. Кабузан, В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1971. Приложение 2. 190 с.

7. Козырев, А. В. Воспитание и образование в России в первой половине XIX в. Ставрополь: Краев. книж. изд., 1948. 126 с.

8. Полухина, О. М. Население Крыма в 1783–1917 гг. // Украинский исторический журнал. 1988. № 9. С. 27–35.

9. Россия. Энциклопедический словарь / Под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. Л. : Лениздат, 1991. 922 с. (Репринтное воспроизведение изд.: Энцикл. словарь Брокгауза и Эфрона, 1898).

10. Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Симферополь: Таврическое губернское земство, 1889. Т. IX. 698 с.

11. Секиринский, С. А. Население Крыма и Северной Таврии (вторая половина XVIII – начало XX вв.) // Вестник: Информационно-методический бюллетень. Вып. III. Симферополь, 1990. С. 19–45.

12. Секиринский, С. А. К вопросу о заселении Крыма в конце XVIII века // Известия Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе. Симферополь, 1957. Т. XXIII. С. 73–87.

13. Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1865. Вып. 41. 138 с.

14. Шаутин, П. В. В составе Российского государства (первая половина XIX в.) // Крым от древности до наших дней / Под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь: ИД «ЧерноморПресс»; Феодосия: ИД «Коктебель», 2010. С. 221–228.

15. Госархив РК (ГАРК). Ф. 100 (Дирекция училищ Таврической губернии), оп. 1. Д. 694: Материалы о работе частных учебных заведений и о пансионах, содержимых учителями); Д. 708: О частных учебных заведениях; Д. 739: О частных учебных заведениях и пансионах; Д. 752: Об уничтожении Ногайского приходского училища; Д. 851: О состоянии народных училищ; Д. 1024: О частных учебных заведениях.

~